

Я.: Одна в России, одна в Америке, одна в Польше. И еще есть где-то один, здесь где-то, в Вильнюсе, по-моему, живет. Парень. Они тоже жили там близко. Павлинские.

Корр.: Назовите, пожалуйста, свои имя, отчество, фамилию, дату и место рождения.

00:49 Я.: Янковский Эдвард Петрович, 1935 года рождения, 17 марта. Деревня Райстяляй, Вильнюсского района. Это рядом здесь, не в самих Понарах, а чуть дальше. И все время жили здесь, в Понарах, уже в Панеряй. До войны в этом доме не жили, он еще строился. Жили мы около старого Гродненского шоссе. Сейчас там закрыто. Был переезд около железной дороги, и там мы в этом доме и жили. Рядом еще один дом был. Этот дом сохранился и на сегодняшний день. Но там люди живут уже совсем не те, которые жили в то время. Кто в Польшу уехал, одна вот в Америке живет. Так что там старых жителей уже нет. Самые старые - это мы здесь остались. Остальных нет. Ну, а в 41-м году началась война, и как-то очень быстро это все произошло. Как-то даже незаметно. Только загудели самолеты. Смотрим: русские солдаты бегут, ехали и на машинах, убежали все. Вообще даже незаметно было, как появились немецкие солдаты. Пошли танки. Лошаадьми орудия тащили. Это я уже хорошо помню, мне было уже 6 лет. Как ребенку даже вроде интересно было. Ну а потом в 41-м начали расстреливать людей, здесь, в Понарах. Вот это было страшное зрелище.

2:55 Корр.: Вот самый первый раз - вспомните, как это все началось. Первое впечатление?

Я.: В первый раз было так. Около переезда, там, где мы жили, пригнали и уложили на откосе партию людей. В это время по этой дороге очень много гнали русских военнопленных. Сперва думали, что это тоже военнопленные, но они были одеты в гражданском. И в лесу, напротив, там, где были эти ямы (между прочим, эти ямы в сороковом году русские строили), должна была нефтебаза из Вильнюса переехать. Там из камня были четыре ямы выложены, а остальные незакончены. И вот немцы, оказывается, приспособили эти ямы для расстрела людей. И когда первую партию пригнали и положили на откос, мы еще не знали, в чем дело, почему эти люди положены вниз лицом. А в лесу началась стрельба. Оказывается, со стороны Понар двое ворот было. Эти ямы были отгорожены колючей проволокой, отсюда было двое ворот, от переезда одни ворота. Одну партию с Понар уже загнали и расстреливали, но кого? Не знаю, не видел. А вот этих гражданских, когда стрельба кончилась в лесу, туда тоже загнали потом. И опять стрельба.

Корр.: Тех, которые...

Я.: Да, да, которые лежали на откосе.

Корр.: Так вы их видели?

Я.: Мы их видели.

Корр.: Сколько их было?

Я.: Ну, знаете, как ребенку казалось, может, человек сто, двести каких. Первая партия небольшая была.

Корр.: Сто, двести человек?

Я.: Да. Не так много. А потом стали уже большими партиями пригонять. Через какие-то два дня, наверное, повторилась та же история, но партия уже гораздо больше была. А после этого, когда...

Корр.: А вторая партия, что они делали, они тоже...

5:05 Я.: Нет. Вторую партию прямо уже загоняли туда через ворота. Там были построены деревянные бараки такие, в этих бараках, когда ямы копали, так держали фураж для лошадей, все такое. Ну и уже когда стали расстреливать, стали раздевать этих людей.

Корр.: А вы видели, как раздевали?

Я.: Видели. Сквозь лес видели. Но они выгоняли их голыми из барака. Их загоняли в этот барак, раздевали и гнали к яме расстреливать.

Корр.: Вы видели?

Я.: Когда их уже из барака голыми.. Потому что там очень близко было, это где-то метров 50-100, не больше, от колючей проволоки этой. А колючая проволока около самой дороги проходила, пятьдесят метров от дороги.

Корр.: Скажите, а кто их сгонял тогда?

Я.: Кто гонял? Ну, это были специально какие-то полицаи нанятые. Как ее называли "зондер-команда". Это были вольнонаемные, ходили они в такой, ну, немецкой форме, повязка на рукаве, всегда ходили с винтовкой или автоматом.

Корр.: Это были немцы или местные?

Я.: Нет, местные. Все были литовские фамилии, две я даже хорошо запомнил.

Корр.: Какие?

6:31

Я.: Почему-то запомнилось мне: Вилкас был и Шильдикас, вот эти две фамилии очень хорошо помню...

Корр.: А когда вы запомнили эти фамилии?

Я.: С тех пор, как они там начали, это были постоянные, они не менялись. Там постоянные люди расстреливали, одни и те же. Их было так где-то, не знаю, может, человек пятьдесят или еще сколько. Потому что, когда большие партии привозили, пригоняли пешком, так их машинами привозили. Вот две машины привезут, и они начинают работу, как они говорили.

7:12

Она даже заходили к нам в дом. Были случаи: в то время люди на базар из деревень ехали на телегах. Лошадка в то время транспорт - самый большой. В деревне люди жили с чего? Что на базар свезут, продадут чего. Эти, полицаи, выходили на дорогу, грабили этих людей.

Корр.: Те самые, которые расстреливали?

Я.: Да, которые расстреливали. Они с утра выйдут, самогонки себе отнимут, кумпячка (=маса) отнимут, а после работы надо покушать. Вот они приходили к нам домой. На стол автомат положат, и делай хозяйка обед - хочешь не хочешь, мать должна была делать. Ну вот так фамилии эти две мне очень хорошо запомнились. Отец...

Корр.: Как это случилось, что фамилии запомнились?

Я.: Ну, не знаю. Это они мне такими интересными почему-то стали.

Корр.: Вилкас...

Я.: Вилкас и Шильдикас. Вот эти две фамилии очень хорошо помню. Отец их многих фамилии знал, но сейчас он уже... Брат, который в Польше, он много знает фамилий.

8:22

Корр.: О чем они разговаривали? Когда за обедом?

Я.: Им весело было. Они напьются, смеются. Выйдут потом, еще постреляют с радости. Им было весело. Это люди были такие, кровь им не страшна была. Это продолжалось так четыре года. Евреев в основном из гетто гнали пешком. Бывали такие большие табуны, как мы их называли. Здесь уже стреляют, а в городе еще только конец табуна. Гнали немцы, по-моему, потому что они с собаками были и с винтовками. По обе стороны идут, по бокам. А эти по дороге идут. Их, всех евреев, гнали как на работу, им говорили - на работу гоним. Они шли с детьми, старики и женщины шли. Несли узелки на плечах. Ну, на работу горят, так надо что-то там поесть, одеться. Им даже - было так - люди говорили: куда вы идете? В вас стреляют. Они говорят: вас первых расстреляют, раньше нас. Они не верили как-то... До тех пор, пока вот за эту колочую проволоку...

9:32

Корр.: И вы слышали, как люди что-то пытались им рассказать?

Я.: Моя мать даже им говорила.

Корр.: При вас?

Я.: Ну не при мен, но сама мать рассказывала, что она даже их предупреждала, а они не верили этому. Говорят - а тебя первую расстреляют, раньше нас. А вот уже с Лукишек, с тюрьмы, так уже не гоняли, машинами возили. И уже не полицаи их расстреливали, а немцы. Это сами эти полицаи говорили, это уже не наша, говорят, работа, не наша команда. Им это не доверяли. Привозили в крытых машинах, брезентом крытых, и когда собаки, овчарки морда видна из-за брезента этого, вот тогда уже знаешь, что везут обреченных на расстрел людей. Действительно, через ворота и...

Корр.: Тех людей вы уже не видели?

Я.: Нет, эти закрыты были. Здесь очень много литовцев было, и поляков много, и немцев всяких. Но в основном большинство евреев, конечно. Вот так все это началось, расстрел. Потом, когда... Да, здесь есть, между прочим, и немецкие солдаты, литовские добровольцы это были, армия Плекавичюса была. И вот когда уже под конец войны, когда почувствовали, что немцам крах приходит, они, по-видимому, захотели... Это по рассказам людей... Они хотели в партизаны уйти. Но кто успел, тот успел, а кто не успел, этих расстреляли в Панарах.

10:58

Корр.: А их вы видели?

Я.: Я их расстрелянных сам видел. Случай мне такой выпал. Это сразу после войны, уже мы в этом доме жили. Подъехал, как мы называли, "виллос", легковая машина, типа нашего газика русского.

Корр.: После войны?

Я.: После войны, фронт уже прошел, все. И вышел из машины полковник, три... уже погоны носили русские...

Корр.: Советские.

Я.: Да, советские, полковник, три большие звездочки. И меня спрашивает, мальчик, говорит, где здесь людей расстреливали? Я ему рассказал. - Ты можешь показать где? Подъедешь с нами? - Ну, так это с удовольствием, как это - пацану прокатиться на машине! И мы поехали.

12:21 Через дальние ворота приехали. А там была канава, там сейчас памятник стоит, написано, что восемьдесят человек там расстреляно. А там фактически полная канава была набита. И засыпана желтым песочком, свежим таким. А мы как раз шли через эту канаву к ямам этим. Я им уже показывать шел. И когда зашли на эту канаву, земля под ногами заходила. Свежий человек убитый. Этот говорит... А у него был адъютант, ямщик, как называли, лейтенант. И он тоже с ним шел. Он ему говорит - слушай, сбегай в машину, лопату принеси. Этот победал, принес лопатку соперную небольшую. Ну и немножко раскопал этот песок. Белые рубашки появились, лицом вниз лежали... И белые рубашки, и руки назад проволокой связанные. Он говорит: давай дальше копать. Когда он раскопал, немецкие брюки появились, и короткие сапожки такие немецкие, ну как пехота ходила немецкая. Тогда вот этот полковник и говорит: а, говорит, это ясно, это расстреляна неубежавшая армия Плехавичюса. А сейчас там стоит памятник, что это добровольцы павшие, расстреляно восемьдесят добровольцев, но там их не восемьдесят, восемьсот, может быть, это дело другое. Их потом уже, после войны переложили в братские могилы. Там четыре братских могилы. Три рядом и одна в яме. Так если уже три-четыре могилы, так конечно не восемьдесят. Они, эти могилы, сейчас уже не заметны, но я знаю, где, в каком месте они находятся. Все это запомнилось.

14:15 Конечно, было страшно. А в 43-м году начали сжигать их, трупы эти. Это уже или чувствовали, что немец поражение терпит, или некуда было уже девать их, стали сжигать. Значит, была такая обмурованная яма большая, где-то диаметром двадцать метров и глубиной десять, из тесанного камня, большущая яма. В этой яме держали постоянно 25-26 человек, как рассказывали. И эти люди выбирали трупы из ям, складывали в штабеля, ряд людей, ряд дров, ряд людей, ряд дров. А потом обливали соляркой и поджигали. Первый раз, когда зажгли, что там двести метров от дома, вы знаете, когда пламя, это же черный, едкий, страшный дым, а вонючий какой! Что целую неделю дети по койкой сидели, боялись вылезти. Страх такой был. А потом как-то привыкли, только очень вонь была, уж такая страшная вонь, что жить невозможно было.

Корр.: А вы знали, что там происходит?

Я.: Знали, конечно знали, что людей...

Корр.: А видно было?

Я.: Огонь очень хорошо виден был, пламя это. Жгли-то днем, и ночью горело.

Корр.: откуда вы знали, что это трупы сжигали? Мало ли что могли...

Я.: Нет, уж знали точно, что трупы.

Корр.: А откуда?

Я.: Сами эти полицаи рассказывали. Они же приходили. Они ходили и к отцу на переезд, отец работал на переезде сторожем. Приходили в эту будку. И домой приходили. То воды надо, то того, то этого. Я говорю, даже другой раз и обед мать должна была делать, и никуда не денешься, автомат на стол положат - делай и все. Ну куда? Или так смерть, или так. Так что тут...

16:14

Корр.: На каком языке они говорили, эти полицаи?

Я.: Между собой на литовском языке разговаривали.

Корр.: А с вами?

Я.: По-польски очень много и хорошо разговаривали. Были из Швенченеляй, даже не знаю, где некоторые жили. Не только из Вильнюса, они были ото всюду. Из Швенченеляя, где-то из Шяуляя были такие вот. Полностью собранные были. Это нанятые люди.

Корр.: Они не говорили, как они попали в этот страд?

Я.: Все добровольно, даже было два брата, два родных брата. Так один брат не выдержал и убежал из этой банды.

Корр.: Как фамилия его была?

Я.: А вот фамилии не скажу. Вот только этот случай знаю. Но фамилии как-то я не... ну что, мне шесть лет было, где там эта фамилия...

Корр.: Но сначала вы этого брата видели, потом он пропал, да?

Я.: Потом да. А потом и отец рассказывал и все, кто с ними более менее общались, что один брат вроде бы в партизаны ушел, в лес. Потому что он не мог выдержать этого. А так...

Корр.: а другой брат остался?

Я.: Другой брат остался. А им это была любимая работа, они это любили очень.

Корр.: А из чего у вас сложилось такое впечатление, что им нравилось?

Я.: Если б не нравилось, так он бы не стрелял. А то придут, выпьют еще хорошо и смеются, веселятся, им это весело. Ну как это? Если человек переживает, он не будет такого делать. Тем более мирных людей стрелять. Ну пусть на войне там где-то. И дети, и крик, и плач, это все было слышно, все видно было. Уже когда стреляют, затыкаю уши, чтобы не слышать только, потому что знаете, в лесу, двести метров каких, так крик очень слышен.

Корр.: Эти полицаи как-то делились своими впечатлениями?

Я.: Делились: вот так красивую еврейку застрелил, то, то, то, вот так вот. Смеялись... Вообще им это был смех. Они особо не переживали. Такие воспоминания у меня об этом.

Корр.: Что они рассказывали, они били этих людей?

Я.: Стреляли и все. Они в них стреляли. Было так, что падали... Раздевали, приводили к яме, вокруг ямы, а ямы большие были такие, камнем еще не обделаны. И было, что люди даже падали, с испугу, может, так они потом их добивали. Говорит - пошел вечером, а там земля ходит, или ребенок выполз из-под трупов - он его пристреливает. Это с их рассказов я помню, вот такие вот вещи.

Корр.: Для нас это очень важно, вы еще что-нибудь вспомните...

Я.: Что там больше вспомнить? Если б я там был близко и видел. Не подпускали. Только я говорю.

Корр.: Да, но можно из разговоров вспомнить...

Я.: Из их разговоров. Мы видели сквозь сосны, что через лес можно было видеть - это с расстояния 200 метров каких, не больше. А когда гнали, так мы рядом с ними были и подбегали, и старались чего покушать дать, и все, потому что как-то военнопленных гнали по этой шоссейной дороге, так мы им давали, что могли. То хлеба, то картошки. Это я все хорошо помню.

Корр.: Ну вот сквозь сосны, говорите, что вы видели, что у вас осталось в памяти?

Я.: Видели, как их из этих барачков уже раздетых выгоняли. В бараки загоняли, там раздевали, а потом, наверное, уже и без барака раздевали, но некоторые были одетыми расстреляны. А так в основном раздевали до гола, не разбирая мужчину или женщина, всех вместе. И в одну яму клали.

Корр.: Мужчины и женщины были перемешаны?

Я.: Смешаны, их отдельно не было. И дети, и все, все в одной куче были. И были... их тут наверно восемь ям было расстрелянных. Большие ямы, из них каких пять штук засыпаны, и так ничего и не указано, что стреляли или что, только заметно - травка растет такая, позеленее. А есть такие ямы, в которых... это четыре ямы, в которых ни одного человека не лежит, они уже были камнем выложены, а там написано 25 тысяч расстреляно в этой яме, а там ни одного человека нет. Так где эти жили, которые легли, эти люди, там тоже никого не было. У них это было общежитие. Да еще, вот такой случай: самые последние, которые сжигали, их эта партия жгет, а потом их расстреливают и новых берут. Наверное, три или четыре захода были, и самый последний этот заход, что жгли, они убежали, побег был в 44-м году. Это дело было летом, ночью они сделали подкоп из ямы, туннель вырыли. Сколько там

22:47
месяцев рыли этот туннель, в карманах песок выносили. Их когда днем выгоняли на работу эти трупы в штабеля складывать для сожжения, они в карманах выносили песок. И сделали подкоп метров 20-30 от этой ямы. Потому что саму яму охраняют, чтобы они не вылезли оттуда. Они сделали подкоп и ушли. И с этих, которые ушли, только трое, а их было 25 или 26 человек, ушли. Осталось в живых только трое.

Корр.: А вы эту команду, которая трупы вырывала и жгла, видели?

Я.: Нет, их не видели, туда никого не допускали.

Корр.: Кто охранял эту территорию?

23:45
Я.: Эти же полицаи были. Они так и стреляли, они охраняли, это уже их работа была. Ну а потом, когда уже кончилась война, фронт прошел, здесь уже создали медицинскую комиссию, как она называлась "медэкспертиза". Врачи были в халатах. И последние трупы, которые остались несожженными, как раз и этих вот армейцев, выкапывали немецкие военнопленные, выкапывали их там, записывали, считали и в могилы зарывали. Но их немного осталось несожженных. Может, еще есть в этих ямах засыпанных, но никто не знает.

Корр.: Ну хорошо, вот когда были эти расстрелы, значит, увидели, как людей загоняли в бараки, из бараков их выгоняли голыми. А кто их гонял, кстати?

Я.: Эти же полицаи, что стреляли. Их пригоняли другие, не они. Пригоняли другие, а эти... Уже за колючую проволоку - это уже была работа этих. Это их территория была и все.

Корр.: А кто пригонял?

24:58
Я.: Пригоняли немцы, гнали, потому что с собаками, с овчарками гнали их. Когда вот этот табун гонят, как овец гнали... Шли они прямо, не сопротивлялись. но были такие случаи, что привозили эшелонами. Это где-то с Белоруссии, потом, по-моему, из Латвии привозили. И был один случай... Они не рассчитали, значит, полностью этот эшелон выпустили в Панарах, здесь. Стали выгружать и загонять в эти ямы, для расстрела. И когда уже эти почувствовали, в основном евреи были, и когда почувствовали, что их расстреливают, они стали убегать, так были все Панары усыпаны трупами. Их на месте стреляли, а потом целую неделю собирали и в ямы возили на подводах. А подводы, так, по-видимому, в деревнях были.

Корр.: И вы видели трупы, когда ходили?

Я.: Как лежали, конечно, видели, видели, очень много валялось. Но их собирали и в ямы...

Корр.: Где вы их видели? В каких местах они валялись?

Я.: Здесь по Панарам, возле железной дороги много было их. По-видимому, всех сразу с эшелона. А потом уже привозили - они хитрее были. Один вагон выгрузят, а потом следующий. А так, видно, все раскрыли вагоны и...

Корр.: Слишком много людей, они не могли справиться.

Я.: Да, слишком много людей, они не могли справиться.

Корр.: А этот самый побег вы видели?

26:18
Я.: Нет, это мы не видели. Стрельба, носа нельзя было высунуть. Это страшно было. А уж потом, на второй день уже можно было ходить. это уже видели, как их, значит, свозили туда на место.

Корр.: А эти эшелоны как разгружали - вы видели?

Я.: Нет, об этом тоже не скажу - не видел, как они разгружали. Ну, так об этом говорили люди. Говорили, что полностью эшелоны выпустили, и они стали разбежаться. А в это время в них стали стрелять, уже потом. А потом уже следующий эшелон привезли, так я говорю, уже они хитрее, один вагон загонят, расстреляют, второй тогда. А вагончики маленькие, двухостные такие, больших не было еще - этих, трехостных, а малые такие. Сколько там в вагоне было? Ну, наверное человек тридцать было где-то, больше...

Корр.: А вы говорили, что они были из Белоруссии, Латвии, почему вам так кажется?

Я.: Это так люди говорили, говорят: вот из Белоруссии эшелон был. Ну, знали люди, на железной дороге работали, знали, откуда эшелон пришел.

Корр.: Скажите, пожалуйста, вот эти люди, которые бежали, вы рассказывали, первый раз, вот эта самая первая партия, да? Это через какое время после начала войны было?

27:39
Я.: Это очень как-то быстро. Потому что война-то... немец уже пришел, в июне он уже здесь был. Ну и где-то, наверное, в августе, может. Вот начали стрелять, потому что лето еще было, еще картошку не копали, картошка росла в поле. Это я хорошо помню.

Корр.: До этого расстрелов не было?

28:11 Я.: Не было до того, а самый первый расстрел, это когда пригнали небольшую партию, может, человек 200, и их положили лицом в землю, и ходили в немецкой форме. Кто это были? Немцы это были, по-видимому. И если он даже там головой пошевелил, ему прикладом по голове. Это я сам лично видел. Чтобы не шевелясь лежали. А в лесу стрельба началась. Но она началась ближе, здесь, в Панарах. это от Гродненского шоссе было, от переезда. Мы там жили тогда. Ну и потом, когда стрельба кончилась, их загнали туда. Вторую партию. Уже вторую партию ближе к нам стреляли. Это уже было видно. И когда на второй день уже все в Панарах говорили, что там людей стреляют. Ну а потом уже как на яву стало. Даже присматривались, смотрели так, между сосен видно, там лес редкий, большой был, кустами заросший. Сквозь сосны было видно.

Корр.: Как гнали какие-то люди, вы запомнили?

29:32 Я.: Нет, так чтобы... Они как-то все одинаковые были. Только этих, кто гнал, страшные казались такие. Как мы их называли "кнапоты". Винтовку... с винтовками шли, и собаки, овчарки через пару человек, и овчарка собака идет. Было, малыми порциями гнали, а было, что большими. Я говорю, здесь стреляют, а в Вильнюсе, в гетто конец бывает. А их в гетто собирали со всей Литвы, и даже из других республик привозили еще. А потом сюда.

Корр.: Теперь вот, когда их гнали, тех, которых гнали пешком, по сколько человек их гнали? Когда они появлялись у вас?

Я.: Как когда. Они с утра появлялись. Они их рано выгоняли. Что тут десять километров, два часа - и они уже здесь, как надо. И шли, как строем, все равно, как построенные, как будто они военную подготовку кончали. Довольно организованно шли. Не то чтобы какие-то, организованно.

Корр.: А сколько человек в шеренге?

30:35 Я.: Наверно, так по человек пять-шесть в ширину, потому что дорога не широкая была. она была из камня мощенная тогда, узкая. И вот они по этому камню шли. А уже эти, кто гнал, так они по бокам, с одной стороны и с другой шли.

Корр.: Сколько партий пригоняли за день?

Я.: Бывало и одну, а бывало и две какие. Смотря, как какой день, не всегда одинаково было. Было, я говорю, что целый день стреляют, а бывало, что так два, три часа постреляют - и все. Было, что вообще выходные делали какие-то, не стреляли. Особо перед этим, когда из Лукишек привозили, так какое-то затишье пару дней бывало. а уже которые осужденных привозили... А за что судили? За что расстреливали? Ведь при немцах приемник нельзя было слушать. Все: приемник послушал - ты уже в Панарах будешь. Тут одна и панарская за это расстреляна была. Доложил кто-то, что есть. Пришли, нашли приемник, все. Приемник должны были сдать. Нельзя было.

Корр.: Вы знаете фамилию этой панарской, которая...

Я.: Нет, когда-то знал, но они потом, родня их в Польшу уехала. Вобщем, здесь из Панаров все в Польшу уехали.

32:05 Корр.: Ну так через решетку вы видели этот барак, да? И вот из барака как гнали? А вот эта самая яма, у которой происходил расстрел, вы видели сквозь сосны?

Я.: Нет, так чтобы яму саму не видно. Потому что эта яма еще в основном песком, который был выброшен из этой ямы, так что они за этим валом уже, за этим песком стояли. Так что это мы не могли видеть никак.

Корр.: Самый расстрел...

Я.: Нет, самый расстрел нет.

Корр.: Ну хорошо, вот эти полицейские приходили, вы были ребенком. Вы, дети, их боялись или нет?

Я.: Боялись, первое время очень боялись. Как-то страшно было, ну как! А еще с винтовкой приходят. Знаете, боялись. Потом постепенно как-то привыкали немножко. Другой раз... и были такие люди даже из этих самых полицейских, что и побаловаться любил с ребенком. Ну вот чего-нибудь побалуется там с ним. Пошутит там. А так-то нет, сперва боялись очень.

Корр.: А с ними женщины были?

Я.: Нет, не было никогда. Этого не скажу, не приходилось видеть и слышать даже.

- 33:23 Корр.: А возраста они были одного или разного?
Я.: Разного, но в основном молодежь. В основном молодежь. Такие, до 30 лет, не старше. Старше навряд ли кто был. Такие двадцать, до двадцати были, молодые парни.
Корр.: А, скажем, самые молодые?
Я.: Ну, может лет 18, вот такие. Вобщем, самый такой армейский был возраст еще. Но старше 30 лет не было, наверное. Все молодые были.
Корр.: Как ваши родители к ним относились?
34:02 Я.: Ну как... Мать очень переживала это, отец более-менее крепче держался. Мать очень переживала это все. Ну как и женщина, все-таки и детей стреляли. А куда было деваться, должны были все-таки, если придут, так и поговорить, и все, должны были. А так, чтобы там чего-то, то нет.
Корр.: А они вот из этих расстрелов пользовались? Они имели какую-то пользу?
Я.: Это не скажу. Ну, наверное, имели чего-то. Ведь эти... так по рассказам. Когда евреи шли, они же на работу шли, они несли с собой и золото, и все несли. Я думаю, что там руки грели тоже. Кто-то хотел откупиться, кто-то чего-то. Ну это...
Корр.: Они не хвалились между собой?
35:02 Я.: Нет, этого не слышно было, чтобы так хвалились или чего. Это они остерегались немножко.
Корр.: Ну а они вам что-то продавали? Может, хотели отплатить как?
Я.: Нет, никогда, чтобы так продавать чего-то.
Корр.: Ну, скажем, за еду отплатиться, кольцо какое-нибудь дать, что-нибудь такое?
Я.: Нет, нет. Вот они отца напоят другой раз, а так чтобы там платить за это, никогда. Как я знаю. Кольцо еще... Они боялись, если об этом узнали где-то начальство их, их бы тоже особо не похвалили. Вот так. Так что было страшно, ну а потом постепенно как-то привыкли. Долгое время как-то, знаете, и после войны уже, и ходить можно было. Так туда нельзя было ходить, колючей проволокой огорожено и днем и ночью они охраняют...